

Исследование бюрократии как предпосылка понимания грядущих перемен

Н.А. Заусаева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Study of Bureaucracy as the Precondition of Understanding Future Changes

N.A. Zausaeva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Осознание необходимости общественных трансформаций привлекает внимание исследователей к анализу препятствий, стоящих на пути модернизационных процессов. Зарубежный опыт изучения бюрократии становится важной предпосылкой для рассмотрения тенденций развития общественных процессов, создания новых картин мира, осмысления последствий прогнозируемых перемен. Акцентируется внимание на факте противостояния интересов бюрократии и интеллектуалов, что зачастую побуждает последних обратиться к всестороннему изучению своего противника как препятствия на пути неизбежных и закономерных трансформаций. Именно всестороннее знание сущности, природы и особенностей бюрократии позволяет интеллектуалам увидеть опасности на пути преобразований и выработать способы их преодоления, «почувствовать важное» (Ю. Хабермас), что может угрожать свободе и творчеству, когда другие об этом не догадываются. Автор подчеркивает, что знание бюрократии является для интеллектуалов необходимой силой, используемой для осмысления и цивилизованной реализации общественных изменений. В заключение отмечается важность подобных исследований в современной России.

Ключевые слова: бюрократия, интеллектуалы, перемены, модернизация, картины мира, будущее.

DOI 10.14258/izvasu(2015)2.1-42

Современного человека и человечество в целом всегда интересуют грядущее, завтрашний день, будущие условия существования и возможности. Это естественное стремление человека знать о будущем, прогнозировать события сталкивается с большими трудностями в кризисные эпохи, когда неясность текущего момента не способствует четкому видению тенденций в изменении общества. В такие мо-

The awareness of social transformation necessity has been increasingly attracting the attention of researchers to the analysis of barriers of modernization processes. The article is devoted to the analysis of foreign research of the bureaucracy as important precondition of analysis of social development trends, creation of new world pictures and views and understanding of predicted changes effects. The author pays attention to the fact of the conflict of interests between the bureaucracy and intellectuals, which often instigates the intellectuals to turn to a comprehensive study of their opponents as an obstacle to the inevitable transformations. Comprehensive knowledge of the nature and characteristics of bureaucracy allows the intellectuals to see the threats on the path of reforms and to work out strategies to overcome them, “sense the importance” (J. Habermas) of things, which could threaten freedom and creativity, while others are not aware of it. The author argues that study of the bureaucracy provides the intellectuals with the required strength which they use for interpretation and civilized implementation of social changes. In conclusion, the author notes the importance of such research in contemporary Russia.

Key words: bureaucracy, intellectuals, changes, modernization, world views, future.

менты идет интенсивное переосмысление различных прогнозов, предвидений и даже предчувствий с целью понять суть грядущих перемен, определить начало или пик переломной эпохи. Последнее в современных условиях сделать практически невозможно, поскольку, как отмечает отечественный психолог Дмитрий Леонтьев, «в сложных системах качественный скачок, приводящий к их перестрое-

нию, происходит чаще всего в непрогнозируемый момент» [1, с. 18].

Тем не менее в современном обществе всегда есть люди, которые пытаются предсказать более или менее точное время переломного момента, увидеть грозящие опасности, риски и т. п. Люди, которые, критически оценивая настоящее, видят дальше других, рискуют рассказать о грядущих переменах, заранее осмысливая их последствия. Исследования известных мыслителей XX в. убеждают, что таковыми людьми чаще всего оказывались интеллектуалы. Й. Шумпетер, Р. Дарендорф, К. Мангейм, Р. Арон, М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Боббио и многие другие анализировали их функции и значение в обществе. Так, Й. Шумпетер особое внимание обратил на критическую функцию интеллектуалов в обществе. Ю. Хабермас отметил, что интеллектуалы в эпоху господства СМИ утратили присущие им ранее функции, но в настоящее время они являются, тем не менее, обладателями такого качества, «которое и сегодня еще могло бы отличать интеллектуала: способность первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами» [2, с. 11]. Особый интерес в понимании роли интеллектуала в общественных трансформациях представляет позиция малоизвестного у нас польского философа Л. Колаковского, который считает, что «интеллектуал не исследователь или открыватель в строгом смысле этого слова. Он претендует на большее. Он использует слово, чтобы предложить свою собственную интерпретацию мира. Он желает не передать истину, но создать ее» [3, с. 57].

Анализ функциональных особенностей интеллектуалов приводит к пониманию того, что они способны создавать новые картины мира, дающие ориентиры в переходных состояниях, цели движения к современности, а также наполняющие смыслом человеческую деятельность в трансформационных процессах. Тем самым их деятельность может выступать фактором успешного реформирования общества, поскольку интеллектуалы производят новое, востребованное сторонниками перемен знание и способны его адекватно интерпретировать для различных общественных групп, так или иначе участвующих в модернизационном процессе. Созданные интеллектуалами интерпретации или картины мира помогают поверившим в них («соблазненным», по Колаковскому) людям в процессе интенсивных общественных изменений, говоря словами О. Тоффлера, избежать «шока от будущего» и адаптироваться к требованиям наступающих перемен, не отвергая их.

Парадоксальным в деятельности интеллектуалов выглядит их участие в демонтаже отдельных традиций, мешающих развитию общества, поскольку

ку истинным желанием для них зачастую является сохранение традиций. Колаковский подчеркивает, что, защищая традиции, интеллектуалы используют при этом независимую силу слова и аргументацию, выходящую за пределы защищаемых доктрин, поэтому результатом их деятельности являются сомнения, влекущие разрушение того, что предполагалось сохранить. Иначе говоря, интеллектуалы оказываются в этой ситуации не истинными, а мнимыми защитниками традиций. Эта функция противопоставляет их реальным защитникам традиций, сложившегося порядка в обществе, каковыми всегда являлись и продолжают являться бюрократы и/или бюрократические структуры. В силу этого между интеллектуалами и бюрократией возникает противоречие или даже конфликт. В разрешении этого противоречия/конфликта каждая сторона использует свои особые средства воздействия на противника. Бюрократия прибегает к административному ресурсу в отношении неудобных интеллектуалов, вплоть до обвинения в заговоре, как это было с интеллектуалом и чиновником в одном лице — М.М. Сперанским, покусившимся на изменение основы бюрократического существования. В советский период бюрократия начинала с «философских пароходов», на которых был выслан «цвет» отечественной интеллигенции. Позже средства становились все более разнообразными: лагеря, лишение гражданства, обструкция, высылка за рубеж, а в брежневский застой — принудительное лечение в «психушках». Интеллектуалы используют в отношении бюрократии как противника свой специфический инструмент — интеллект, но не для того, чтобы ее изолировать, устранить как противоположную сторону. Здесь, скорее, речь идет о познании противника или объекта критики, дабы иметь о нем как можно более полное представление, чтобы тем самым обезоружить его, руководствуясь лозунгом «знание — сила». Об этом много писали французские интеллектуалы, исследователи власти М. Фуко и П. Бурдьё.

Неудивительно, что в творчестве многих интеллектуалов современности можно обнаружить не только осмысление трансформационных процессов и выработку новой интерпретации мира, новых картин мира, понимание грядущих перемен, прогнозы будущего, но и предшествующее этому исследованию бюрократии. Подобная последовательность выглядит вполне закономерной, поскольку интеллектуал, размышляя о возможных трансформациях, анализируя проблемы сегодняшнего дня, понимает, что их успешное решение во многом обусловлено позицией бюрократии, связано с вечной проблемой власти. Сама бюрократия практически никогда перемен не начинает, если не чувствует опасности своему существованию. Способности «почуять нечто важное», которую Хабермас видит исключительно у интеллектуалов, бюрократия практически лишена, за редким

исключением. Поэтому исследование власти, и прежде всего в ее бюрократическом измерении, становится необходимым условием для точных прогнозов, для адекватного осмысления грядущих перемен, для создания таких картин мира, которые бы могли «соблазнить» бюрократию к переменам или хотя бы нейтрализовать ее.

Известнейший мыслитель XX в., интеллектуал М. Вебер, давший оригинальную интерпретацию развитию капиталистического порядка с его центральной тенденцией — рационализацией, исследование бюрократии сделал едва ли не главным в своей научной деятельности. По крайней мере, многие исследователи его наследия отмечают, что проблема бюрократии проходит «красной нитью» через все его многогранное творчество. Веберовская концепция рациональной бюрократии уже представляет фрагмент отображения новой картины мира. Анализируя ситуацию и возможные изменения в дореволюционной России, он весьма тщательно изучил политику российской бюрократии, что дало ему основания сделать вывод об ответственности российской бюрократии за возможную катастрофу в будущем. Бюрократия пообещала в критической ситуации людям многие блага, в том числе свободы, но не выполнила своего обещания, поэтому в следующий критический момент подобным обещаниям со стороны бюрократии уже не будет доверия, что и приведет к социальной катастрофе. В этом Вебер оказался пророком не только для начала XX в., но и столетие спустя его прогноз кажется своевременным, отражающим тенденцию настоящего периода. Его работы, посвященные анализу российской действительности, говорят о достаточно высокой компетентности автора в вопросах, связанных с деятельностью российской бюрократии. Создается впечатление, что Вебер разбирался в бюрократических хитросплетениях того времени лучше многих отечественных исследователей, пишущих тогда и сейчас о процессах начала XX в. Не менее плодотворным оказался анализ природы и особенностей восточной бюрократии, позволивший Веберу прийти к выводу об ограниченности экспансии тенденции рационализации за пределы западного мира. О значении веберовского анализа бюрократии в современном мире свидетельствуют многочисленные обращения известных ученых к исследованию его творчества (Р. Бендикс, В. Моммзен, М. Элброу, Ю. Давыдов, П. Гайденок, М. Масловский и др.).

С анализа бюрократии начинал процесс создания своей теории модернизации известный социолог П. Бергер. В работе «Бездомное сознание» он выявляет главные свойства бюрократии: анонимность, упорядоченность, организуемость, нераздельность средств и целей и внешняя абстрактность. По мнению отдельных исследователей, эта работа содержала теоретико-методологические установки для соз-

дания модернизационной теории [4, с. 120–121]. Многостороннее изучение бюрократии как явления и бюрократа как типа человека позволило ему выявить важнейшую характеристику модернизации — «плюрализацию жизненных миров», интерпретировать современные изменения. Благодаря этому Бергер впоследствии в работе «Капиталистическая революция» создал развернутое представление о капитализме как наиболее перспективной тенденции развития современного мира.

Интеллектуал либерального направления Л. Мизес, как и его известный ученик Ф. Хайек, свою научную деятельность во многом посвятил критике социализма, в частности доказательству экономической неэффективности социалистической системы, которой противопоставил общество на основе рынка. Будучи уже известным мыслителем, Л. Мизес пишет работу «Бюрократия», в которой дает философское обоснование природы бюрократии. Можно предположить, что выработанное в этом труде глубокое понимание бюрократии позволило ему позже создать ряд фундаментальных работ по экономике и подвести некий итог пониманию мира в исследовании «Антикапиталистическая ментальность». Именно здесь Мизес пытается объяснить природу антикапиталистического мышления, последствия его воздействия на развитие общества.

Весьма показательную логику интеллектуального развития можно обнаружить в творчестве известного американского социолога А. Гоулднера. Изучение современного индустриального общества приводит автора к необходимости осмысления присущей ему бюрократии и бюрократических организаций. Результатом этого становится работа «Модели индустриальной бюрократии» (1954 г.). Но уже в 60-е гг. сформированное представление о бюрократии становится основанием для тотальной критики всей западной социологии. По его мнению, вся официальная социология, актуализируя свою манипулятивную функцию, находится на службе у правящих властей, обслуживает обезличенные бюрократические структуры, поэтому любые импульсы к изменению оказываются безрезультатными. Итоги этой критики находят отражение в его следующей известной работе «Надвигающийся кризис западной социологии», опубликованной в 1970 г. [5]. Под влиянием революционных событий в мире конца 60-х и начала 70-х гг. XX в. он обращает внимание на воздействие на современное общество «третьей революции», по-другому — «невидимой революции» (невидимая потому, что долгое время она пребывала в тени политических и индустриальных изменений), обусловленной появлением коммуникативного начала, связанного с возникновением книгопечатания. По мнению Гоулднера, суть «третьей революции» заключается в *изменениях в видении*. Что это за вид изменений? Творцы куль-

туры все больше изолируются от общества, замыкаются в университетских, академических и других подобных институционализированных кругах, маргинализируются, не имея собственных мощных средств коммуникативного воздействия, поскольку последние монополизированы «massmedia» и стоящими за этой индустрией сознания в целом технократами. В это же время меняется и сама бюрократия, переходя от традиционных оснований своего существования к иным, базирующимся на принципах профессионализма, ответственности за дело. Она начинает осознавать свою автономную силу, примеривая на себя все больше представительскую функцию, ориентируя социум в технократическом ключе лишь на настоящее, а не на будущее. При этом она теснит правящие элиты, в том числе ограничивая прежние возможности представительства буржуазии, и претендует на монополию производства «видения мира», деморализуя активность людей. Противостоять меняющей свой облик бюрократии в этой опасной ситуации для общества в целом, по мнению Гоулднера, способен лишь новый класс интеллигенции, который обладает культурным капиталом и культурой критического дискурса. Завоевать господствующие позиции ему поможет «альтернативная социология», способная с помощью «критической рефлексии» осуществить тотальную критику западного общества, найти пути преодоления его кризиса. Новый класс, описываемый Гоулднером в следующей работе «Будущее интеллигенции и становление нового класса» (1979), состоит из двух социальных групп: научно-технической интеллигенции и интеллектуалов (гуманитарной интеллигенции). Именно интеллектуалы, по его мнению, способны осуществить революционное изменение общества, на них он возлагал надежды, связанные с будущим общественным развитием. Таким образом, в творчестве Гоулднера находит отражение не только логическая связь между исследованием бюрократии и прогнозами общественного развития, анализ современного противостояния между бюрократией и интеллектуалами, но и определенная саморефлексия по поводу будущего интеллектуалов.

Пожалуй, самым ярким свидетельством связи между формированием картины мира, программы переустройства общества и исследованием бюрократии может служить научная и практическая деятельность французского интеллектуала, социолога, политолога, а позже и государственного служащего М. Крозье. Примечательно, что он не только создавал новое знание, новую интерпретацию французского общества, но и принимал живое участие в создании и реализации программы реформирования французского общества в 80-х гг. XX в. Еще в 60-е гг. он обратился к исследованию безуспешно реформируемой французской административной системы, бюрократии и власти в целом [6, с. 33]. Итогом проделанной на этом

этапе работы стал остающийся и поныне блестящим примером всестороннего анализа бюрократии труд «Феномен бюрократии» (1963 г.). Для этого ученому пришлось создать Центр социологии организаций, в рамках которого он возглавил исследование бюрократии, в особенности — ее природы, и сформулировал основы своей теории организаций. Дальнейшая деятельность Крозье была направлена на осмысление событий 1968 г. и последующего состояния французского общества, охарактеризованного им как «заблокированное». В поисках выхода из сложившейся ситуации Крозье анализирует основы самого феномена власти, участвует в международном проекте по исследованию кризиса демократии [7, с. 93–94]. Итогом этого многолетнего поиска становится не менее известная работа «Современное государство — скромное государство. Стратегия нового изменения» (1987 г.), в которой он излагает собственное видение необходимых изменений политики и государства, иначе говоря, новую философию реформ. Путь к «скромному государству» понимался им как изменение приоритетов политики и государства, отказ его от претензий на главную роль в обществе. Основные усилия, по его мнению, следует направить на создание благоприятных условий для самостоятельного выбора человеком своих собственных изменений [7, с. 96–97]. В этой работе он указывает на необходимость формирования новой политической морали государства, инвестирования знаний, реформы образования. Очень важен для раскрытия обсуждаемой темы его тезис о фундаментальном противоречии реформ: «...нельзя изменить общество, не изменив роль государства, не изменив роль чиновников. Однако последние, как и все сформировавшиеся корпорации, враждебны всякому изменению. Фронтальная атака на чиновничество, которое не хочет понять нужд новой действительности, приказание им измениться, наказание их, если они не изменятся, не дадут никакого практического результата и будут катастрофическими с политической точки зрения» [8, с. 43]. Следует заметить, что к этому времени Крозье уже продолжительное время являлся консультантом правительства. Именно в этом качестве в январе 1988 г. он вместе с двумя помощниками по поручению министра государственных служб и административных реформ приступает к непосредственному изучению реформ в трех весьма разных во всех отношениях странах. В ходе ознакомительной поездки им проведено около 80 встреч и 60 интервью, собран и обобщен обширный материал, на основе которого были сделаны выводы и даны рекомендации. Через несколько месяцев собранный материал нашел отражение в работе «Как реформировать государство? Три страны, три стратегии: Швеция, Япония США» [7, с. 97–98]. Изучение последующего процесса политической модернизации во Франции позволяет зафиксировать связь между вполне успешны-

ми реформами и выводами из теоретических и практических работ М. Крозье.

Попытки понять тенденции и перспективы развития общества через анализ места в нем бюрократических структур характерны для многих известных интеллектуалов современности: К. Мангейма, О. Тоффлера, А. Вебера, Ч. Миллса и др. Очевидно, что исследование бюрократии для многих из них является необходимым условием понимания и адекватного объяснения возможных перемен и трудностей на этом пути. Одним из факторов, стимулировавших анализ бюрократии, было изучение творчества важнейших исследователей этого феномена. О веберовской концепции было сказано выше. Известно, что С. Липсет, будучи исследователем общественных движений в современном мире, обращался к творчеству Р. Михельса, акцентирующего внимание на бюрократии в партийных структурах. К. Витфогель анализировал марксистскую концепцию бюрократии. Другой формой приобщения к исследованию бюрократии явилось участие интеллектуалов в семинарах по изучению творчества теоретиков бю-

рократии (М. Вебера, В. Парето и др.) или организация семинаров самими теоретиками (Л. Мизес, Ф. Хайек и др.).

В отечественной науке, к сожалению, по разным причинам отсутствуют фундаментальные исследования обозначенной проблемы. Отдельные идеи и размышления о связи анализа бюрократии с разработкой дальнейших общественных перспектив можно обнаружить у В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А. Зиновьева и некоторых современных интеллектуалов (Г. Сатарова, В. Римского и др.).

В силу того, что фундаментальные исследования отечественной бюрократии в современной России только разворачиваются, описывать грядущие перемены в своем Отечестве без глубокого понимания природы и особенностей собственной бюрократии оказывается весьма сложным занятием, как и преодолевать бюрократическое сопротивление необходимым переменам. Именно исследование бюрократии является для интеллектуалов фактором силы, используемой для осмысления и цивилизованной реализации общественных изменений.

Библиографический список

1. Леонтьев Д. Восстание живых / Беседовала Г. Мурсалиева // Новая газета. — 2012. — 25 янв.
2. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 3.
3. Колаковский Л. Слово о словах // Новое время. — 1993. — № 6.
4. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология П. Бергера // Социс. — 1990. — № 7.
5. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003.
6. Спиридонова В. Стратегия реформ М. Крозье // Свободная мысль. — 1993. — № 11.
7. Комоцкий Б.О. Мишель Крозье как политолог // Социально-политические науки. — 1990. — № 9.
8. Крозье М. Современное государство — скромное государство. Стратегия нового изменения // Свободная мысль. — 1993. — № 11.